

1877 год

10-го января. С новым годом вступает восточный вопрос в новый лабиринт недоразумений. Вчера получена из Константинополя следующая депеша:

9 / 21 janvier 1877. (Dépêche particulière), Constantinople, Samedi, 20 janvier 1877.

Dans la seance d'aujourd'hui de la conférence les plénipotentiaires ont constaté le refus de la Porte et l'unanimité de l'Europe. Ils ont rendu le gouvernement Ottomane la Serbie ou le Montenegro comme aussi de toute violence contre les chrétiens non seulement en Bosnie, Herzogovine et Bulgarie, mais aussi en Epire, Thésalie, Grèce, etc... Ils ont déclaré, qui la Porte son obstination à repousser les voeux unanimes, des puissances invalidait les traités, qui ont garanti son existence et son intégrité en la faisant entrer dans le concert européen. Les ambassadeurs et plénipotentiaires des six grandes puissances quittent Constantinople*.

Хотя эта депеша не имеет официального характера, но она, несомненно, свидетельствует, что конференция кончилась и дальнейшие переговоры с Портою и Европой прерваны. Но о том, в какой степени остаются в силе все трактаты относительно неприкосновенности турецких владений, об этом едва ли можно вывести безошибочно заключение на основании частной депешы, а едва ли уполномоченные держав имели право сделать заявление об уничтожении трактатов. Что же касается до ответственности турок, то смешно об этом говорить. Менее чем когда-либо они могут бояться какой-либо ответственности, а что они выйдут будто бы из Concert Européen**¹, то тем для них лучше, ибо они очень хорошо понимают, что они существуют только благодаря этому фальшивому концерту и будут, что бы они ни делали, существовать, пока этот концерт будет

* 9 / 21 января 1877. (Частная депеша). Константинополь, суббота, 20 января 1877.

На сегодняшнем заседании конференции полномочные представители заявили о единстве европейских государств в отношении Порты. Они признали, что Оттоманское правительство ответственно за всякое нападение на Сербию или Черногорию, также за всякое насилие над христианами не только в Боснии, Герцеговине и Болгарии, но также в Эпире, Фессалии, Греции и т. д. Они заявили, что Порта своим упрямством вынудила великие державы признать недействительными договоры, которые гарантировали ее существование и ее целостность в европейском концерте. Послы и полномочные представители шести великих держав покидают Константинополь.

** Европейский концерт

настроен на тот лад, как теперь. А ежели этот лад изменится, то участие их в концерте не спасет их.

Мне кажется, это так ясно, что нельзя иначе видеть вещи, и я думаю, все это так видят, но это нимало не помешает всем придумывать разные выходы и объяснения и доказывать всю важность успехов дипломатии. Что касается до нас, то я вполне убежден, что в России все будут крайне возмущены этим исходом, и при той неизвестности, в какой находится большинство нашего общества о тех обстоятельствах, по которым нельзя желать, чтобы мы начали теперь войну, в России будет большое раздражение. Мне кажется, есть только один способ выйти с честью из этого дела и успокоить умы. Это откровенно и торжественно сознаться, что мы обмануты в надеждах на наших друзей и потому далеко одни идти не можем, но зато решаемся наконец искать в будущих союзах наших действительную опору нашим национальным интересам, а не хранителей отвлеченных принципов и семейных связей. Князь Горчаков должен теперь сказать, que la Russie ne se recueille plus, mais elle boude*². Я уверен, что тот день, когда Англия поверит, что мы не верим более Союзу трех императоров, она с нами пойдет заодно. Но и этого мало. Нужно, чтобы отрезвление последовало бы общее и чтобы переписка политики была бы делом не случайным, а результатом искреннего сознания всей фальши нашей политической жизни, как внутренней, так и внешней. Этого мы не увидим...

20-го марта. Сегодня годовщина смерти Ю.Ф. Самарина. Мы служили панихиду в Троицком подворье³, в присутствии собравшихся в значительном числе друзей и почитателей покойного.

Политический горизонт продолжает быть не столько мрачным, как запутанным, и притом не к выгоде нашего достоинства. Поездка Игнатьева⁴ ко всем европейским дворам прежде получения нами ответа на циркуляр князя Горчакова с вопросом о том, что намерены делать теперь державы, участвовавшие в неудавшихся конференциях, представляется многим унижительным выпрашиванием каких-либо поводов, чтобы после новых уступок отказаться от дальнейших действий.

В Москве Аксаков сказал в заседании Славянского комитета речь, которая была напечатана в «Московских ведомостях» и наделала больших тревог. На почте номера газеты были остановлены, а в Москве полиция отбирала уже розданные номера. Кроме укорительных нескольких фраз петербургскому обществу⁵, в этой речи нет ничего, кроме напоминания о речи, сказанной государем в Москве, и указания на то, что настроение теперь совершенно изменилось не к чести достоинства правительства. В петербургских салонах и высших сферах очень озлоблены против этой речи Аксакова, она задела за живое⁶.

Но все это озлобление ни к чему не приведет. События идут совершенно против воли призванных руководить ими, и чем сильнее желание мира, тем неизбежнее представляется мне война.

* Россия более уже не собирается с мыслями, она сердится.

1877 год

Манифест о войне

Божиею милостью
Мы, Александр Второй,
Император и Самодержец Всероссийский,
Царь Польский, великий князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая...

Всем нашим любезным верноподданным известно то участие, которое мы всегда принимали в судьбах христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить его разделял с нами и весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова. Кровь и достояние наших верноподданных были всегда нам дороги, все царствование наше свидетельствует о постоянной заботливости нашей сохранять России благословение мира. Эта заботливость оставалась нам присуща, ввиду печальных событий, совершившихся в Боснии, Герцеговине и Болгарии. Мы первоначально поставили себе целью достигнуть улучшений в положении восточных христиан путем мирных переговоров и соглашения с союзными и дружественными нам великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться в продолжение двух лет к тому, чтобы склонить Порту к преобразованиям, которые могли бы оградить христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Совершение этих преобразований всецело вытекало из прежних обязательств, торжественно принятых Портою перед лицом всей Европы. Усилия наши, поддержанные совокупными дипломатическими настояниями других правительств, не привели, однако, к желаемой цели. Порта осталась непреклонной в своем решительном отказе от всякого действительного обеспечения действительной безопасности своих христианских подданных и отвергла постановление Константинопольской конференции. Желая испытать, для убеждения Порты, всевозможные способы соглашения, мы предложили другим кабинетам составить особый протокол с внесением в оный самых существенных постановлений Константинопольской конференции и пригласить турецкое правительство присоединиться к этому международному акту, выражающему крайний предел наших миролюбивых настояний. Но ожидания наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанию христианской Европы и не присоединилась к изложенным в протоколе заключениям.

Исчерпав до конца миролюбие наше, мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного достоинства. Турция отказом своим поставляет нас в необходимость обратиться к силе оружия. Глубоко проникнутые убеждением в правоте нашего дела, мы, в смиренном уповании на помощь и милосердие Всевышнего, объявляем всем нашим верноподданным, что наступило время, предусмотренное в тех словах наших, на которые единодушно отозвалась вся Россия. Мы выразили намерение действовать самостоятельно, когда мы сочтем это нужным и честь России того потребует. Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска наши, мы повелеваем им вступить в пределы Турции.

Дан в Кишиневе, апреля 12-го дня, лета от рождения
Христова в тысяча восемьсот семьдесят седьмое,
царствование же нашего в двадцать третье.

Александр.

Великий русский Бог... Несмотря на все видимые признаки нашего внутреннего политического разложения, несмотря на все разнородные влияния, страхи и противные интересам России симпатии, несмотря на совершенное оскудение духа в высшем петербургском влиятельном обществе, царь каким-то чудом остался верен своему призванию. Как ни бесцветен и плох манифест, он переносит вопрос на почву, на которой уже нет места пустым разноглагольствованиям. Сам Бог, видимо и наперекор всем человеческим предположениям, ведет нас на путь тяжелых испытаний.

Никто, конечно, не в состоянии теперь даже гадательно судить о том, какое развитие может принять война и долго ли она продлится. Но верно то, что независимо от военных результатов от предстоящей борьбы мы призваны теперь к проверке собственных своих сил, как материальных, так и нравственных. В этом хаосе различных мнений, взглядов и политических сочувствий, в этой бездне всяких недоразумений, неустройств и ложных сведений о действительном положении России после всех произведенных реформ, очень трудно опознаться и прийти к какому-нибудь верному заключению. Теперь наступает пора решительного экзамена и проверка всего того, что есть живого в России. Чего бы нам война ни стоила — все с избытком вознаградится, ежели она откроет нам истину, т.е. нас самих. Ежели, по примеру Крымской войны, она обнаружит нашу несостоятельность, то можно надеяться, что опять, с помощью Божией, примемся за дело. Ежели же, напротив, по проверке на деле, окажется, что мы сильнее и духом, и войском, чем о нас думают и чем мы сами о себе думаем, то, может быть, мы сами начнем уважать себя и, заслужив уважение других, не будем более стыдиться ни своей народности, ни политики.

28-го апреля. Ответ⁷ государя московским депутациям в Москве очень хорош. Энтузиазм в Москве, по словам очевидцев, был необыкновенный.

15-го августа. Война в полном разгаре. Я не записывал до сих пор подробностей военных действий. Блестящий переход через Дунай, переход через Балканы, взятие крепости Никополь — все это совершилось в течение июня месяца и воодушевило Россию. Отличное мужество, стойкость и изумительная храбрость нашего войска, замечательная дисциплина, отличное снабжение всех частей приводили нас в восторг, и, действительно, можно было радоваться, видя, что во многих отношениях мы против прежнего далеко ушли вперед. Государь сам находился среди армии и, ободренный успехами и удачными стратегическими соображениями главнокомандующего — своего брата⁸ — и уместными действиями Кавказской армии, также состоявшей под главным начальством своего другого брата, поддерживал энтузиазм и пошел еще дальше в передаче судьбы армии и России своему семейству. Наследнику поручено начальствование над армией, перешедшей через Дунай и стоящей у Рушука, а Владимиру Александровичу поручено командование корпусом. Сам же государь остается за Дунаем как бы зрителем всех происходящих событий, и при нем огромная свита, требующая более 500 подвод.

После неожиданных, весьма дешево нам доставшихся удач наступила с июля месяца самая несчастная для нас эпоха на обоих театрах войны. Началось на Кавказе, где все сделанные нами приобретения при необдуманном скором наступлении мы должны были потерять и теперь вынуждены принять оборонительное положение близ нашей границы, имея за собою часть Кавказа, занятого неприятелем, и восставших местных жителей. Неудача этот все объясняют неспособностью главнокомандующего, интригами между начальствующими и дурным управлением войском и краем⁹ в мирное время. Главнокомандующий, Михаил Николаевич, прибывший в армию с супругою и сыном, должен был на некоторое время удалиться к себе на дачу в Боржом, но теперь опять отправился к армии и, получив из России подкрепления, до сих пор еще во всех отдельных делах терпит неудачу.

За Дунаем два кровопролитные приступа нами на Плевну обнаружили геройство войск и непростительную оплошность и легкомыслие главнокомандующего, приказавшего после первого неудачного нападения сделать второй приступ со средствами, несоразмерно низшими против средств неприятеля. С этой минуты турки обратились в наступление, и везде мы уступаем превосходству сил, несем значительные потери и обречены ждать подкреплений из России, чтобы с надеждою на успех начать наступление на силы неприятеля, с трех сторон нам угрожающие. При этом со стороны военных знатоков слышится обвинение главных начальников в неумении пользоваться обстоятельствами и орудовать массами. Теперь идет бой не на живот, а на смерть у Балканского прохода Шипки. Сегодня, между прочим, в газете «Голос» напечатано:

«Сегодня уже шестой день боя в Шипкинском проходе... В первые 4 дня мы потеряли 27 офицеров и около 900 нижних чинов. Сколько за эти дни легло навеки на поле брани — сведений еще нет...

Погибают и сотни, и тысячи смертью героев, и новые сотни и тысячи даст русский народ — героями не оскудела земля русская. Но что особенно тяжело, о чем можно искренне и глубоко сожалеть, — это смерть генерала Дерожинского, достойного начальника балканских орлов. Случай выдвинул-таки севастопольцев. Их еще много на Руси, немало их в рядах русского воинства, и если не слышно было о них до сих пор, значит, не случалось им показать себя.

При нашей молодой армии должна быть дорога всякая боевая опытность, тем более такая, какую имели участники Севастопольской обороны. Чем труднее военные обстоятельства, тем более надо иметь спокойствия и готовности самопожертвования, тем большую ответственность приходится нести начальникам.

Здесь-то, при таких-то обстоятельствах, легче всего оценивается боевая опытность и правильнее определяется боевая способность».

Эти последние слова ясно намекают на недоверие к главнокомандующему и главноначальствующим. Это недоверие уже не раз и в более или менее резкой форме высказывалось в разных газетах, а в обществе о нем говорят громко и прямо приписывают все неудачи молодым, неопытным царственным военачальникам. Ежели неудачи наши еще продлятся, то заговорят громче, и уже без того давно упавший престиж царственного семейства окончательно обратится в презрение.

Положение государя за Дунаем также становится весьма и весьма трудным. Выехать ему оттуда под впечатлением неудач — будет иметь вид постыдного бегства, а оставаться ему также и опасно, и губительно для дел управления государством. Все, что я прежде неоднократно замечал об отсутствии серьезного отношения к делу общему — государственному, и о том, так сказать, персональном взгляде на все дела общие, никогда так ясно не выражается, как теперь. Война, в которую народ положил, можно сказать, всю свою душу, от исхода которой зависит вся наша будущность, — эта война обставлена так, как будто она есть предприятие одного благородного семейства.

Все депеши главнокомандующего — великого князя — при успехах отличаются каким-то неприличным ухарством и бесцеремонным отношением к России, которая ждет с напряженным вниманием подробностей об участии войска. Эти возгласы «Ура», «мои молодцы работали штыками, твои моряки, мои герои...» и проч. ... — все это делает какой-то тон, совершенно не приличный важности совершающихся событий.

Одно время, после Плевненского сражения, известия из армии вовсе прекратились, и более двух недель Россия не знала из официальных источников ничего, что делается на театре военных действий. А между тем частные депеши и известия, приносимые иностранными газетами, возбуждали сильное беспокойство. Я в это время был в деревне и видел, какое отчаяние производило на всех это упорное молчание правительства, в особенности, когда сделалось известным, что вся гвардия мобилизуется и отправляется на войну и что призывается ополчение первых трех возрастов для пополнения запаса. Наконец, после настоятельного требования Тимашева, который телеграфировал и писал государю и великому князю и объяснял им, что вся Россия начинает сильно роптать на отсутствие официальных известий, появилась телеграмма великого князя, который просил в ней не верить иностранным известиям и обещал доводить до общего сведения все примечательное. Действительно, с этой поры почти каждый день печатаются в газетах хотя краткие и малоутешительные известия, но все-таки удовлетворяющие отчасти понятное любопытство публики.

Дела принимают, кажется, такой печальный для нас оборот, что едва ли можно ожидать в нынешнем году окончания военных действий, а ежели нам придется зимовать на Дунае, то это будет величайшее бедствие и в военном, и в финансовом положении. Надо признаться, что мы совершенно обмануты относительно сил и политической устойчивости Турции. Меня еще прежде объявления войны поражал тот знаменательный факт, что Турция обнаруживает необыкновенную живость и крепость в правительственном организме. Несмотря на смену двух султанов и бесконечного числа визирей, Турция 2 года борется и дипломатически, и с оружием в руках в Черногории, Сербии, Азии и, наконец, с нами на Дунае. Армия ее оказывается отлично вооруженною, войска везде вовремя поспевают, а дипломатические ее действия замечательны своей обдуманною последовательностью, стойкостью и искусством. Едва ли какое-либо европейское государство в состоянии было бы столько выдержать внутренних переворотов в правительстве и оставаться столь крепким и удовлетворять все потребности. Несмотря на банкротство, Турция находит средства вести войну в

трех местах¹⁰. Хотя все приписывают живучесть Турции поддержке Англии и хотя, действительно, отрицать нельзя, что поддержка эта, и нравственная, и материальная, существует, однако же не в такой степени, чтобы этой поддержке можно было бы приписывать всю силу Турции. Все же нельзя предполагать, чтобы английское правительство секретно, без гласного разрешения парламента, могло бы тратить столь огромные суммы для уплаты турецких военных расходов. Как ни велико число англичан, руководящих военными делами Турции, но все же они не могут быть в таком числе, чтобы дать существенную силу турецкому войску. Главная сила Турции и главное ее перед нами преимущество заключается в том, по моему мнению, что она, т. е. Турция, плюнула на Европу, знать ее не хочет и не стесняется никакими протестами и заявлениями разных европейских кабинетов. Она ясно осознает свое дело и делает его, употребляя все подручные ей средства. Мы же, напротив того, не только в дипломатических сношениях и действиях более всего стараемся угодить и Австрии, и Пруссии, и Англии, но теперь в военных действиях своих стеснены на каждом шагу в движениях стратегических. Мы дали слово Австрии не проходить с войском через Сербию; мы обещали не допускать сербов вновь начать войну с Турцией; мы обещали не волновать греков и, в особенности, не поднимать славянского знамени. Все эти обещания стоят нам очень дорого, и купленный этой ценой нейтралитет Австрии — очень, впрочем, сомнительный в будущем — связывает нас по рукам и ногам. При подобных условиях безумно было начинать войну. Можно было предполагать, и я это думал, что, начав войну, уже мы предварительно обеспечили себя от всех внезапных требований Австрии, нарушающих все наши стратегические соображения. Оказывается на деле, что ничего не сделано, что мы, напротив, связали себя разными обещаниями, как будто при всех случайностях войны можно давать обещания, не зная, что будет стоить строгое исполнение этих обещаний.

Ужасная ответственность лежит на государе, и перед правдивой историей он не в состоянии будет сложить и разделить эту ответственность с другими своими советчиками, ибо таковых у него, в сущности, нет. Он распорядился так, что нет ни одного учреждения и ни одного лица, которое бы имело какое-либо значение. Государственный совет даже и не знает официально, что есть война, — все министры без всякого значения, и на совет по вопросу о мире или войне и по внешней политике они и не призывались. Общественное мнение не организовано, и трудно его уловить. Все сделалось как-то случайно. Уже теперь почти пришло время, чтобы какое-нибудь государственное учреждение высказало бы государю просьбу вернуться в Петербург, ибо он может за Дунаем подвергнуться опасности. Наследник — тоже, и, кроме того, требования стольких царских дворов с огромными свитами составляют ужасную тяжесть для довольствия и стоят страшных денег. Но ежели дела скоро не пойдут лучше, а сам государь не вернется, то подобный призыв государю послышится со всех сторон России. В былое время Государственный совет или Сенат приняли бы на себя инициативу подобного приглашения, но теперь этого ожидать нельзя. Ни Государственный совет, ни, в особенности, Сенат не имеют того значения, какое имели прежде. Сохрани Бог от дальнейших важных неудач, последствия могут быть ужасны.

8-го сентября. Гнев Божий, видимо, на нас тяготеет. Неудачи наши и на Дунае, и на Кавказе продолжаются. Шипкинский проход на Балканах ценою страшных потерь мы пока оттягали¹¹. Но под Плевною было опять страшное кровопролитие без особых успехов. наших выбыло из строя более 8 тысяч человек. А между тем осень приближается и с нею новые трудности для снабжения войск довольствием. Зимняя кампания неизбежна и может быть для нас при самых бедственных условиях... Турки обнаруживают чудеса храбрости и распорядительности. Кто мог этого ожидать? Не только мы, но и вся Европа удивлена. Бог карает нас рукою нечестивого мертвеца¹² и каким-то чудом воскрешает в нем все казавшиеся умершими силы. Общее негодование на начальствующих усиливается. Здесь никто ничего не знает о действительном положении вещей и о будущих планах и предположениях государя. Он, видимо, ждет какого-либо успеха, чтобы воротиться сюда. Но этот успех не дается. Такого позора, какой мы теперь испытываем, никогда еще не было. Мы боялись европейской коалиции, а о том, чтобы с одними турками нам не сладить, — об этом даже никому и в голову не приходило. А между тем мы находимся теперь в таком критическом положении, что все возможно. Сохрани Бог...

12-го декабря. Три месяца я не имел духа взяться за перо. Таинственная неизвестность, скорбные известия о страданиях от холода, голода и болезней нашей армии, перечень чудес храбрости, отваги и терпения нашего солдата, сетования на отсутствие каких-либо достоверных сведений о том, что делается для того, чтобы вывести нас из нашего ужасного положения, — все это в течение трех месяцев повторялось во всех газетах и наводило на душу неизъяснимую тоску. Наконец Бог смиловался над нами и помог нам сделать решительный победоносный шаг.

Взятием Плевны и Карса¹³ и разгромом главной части турецкой армии мы опять ожили с надеждой на скорое окончание войны и на восстановление нашего национального достоинства. При таком важном счастливом событии забыты все тяготы предшествовавших неудач, и вся Россия опять ликует.

Третьего дня вернулся в Петербург государь. Встречен он был здесь восторженно. На станции железной дороги собрались все власти и приветствовали его криками «ура». Обратясь к нам, государь сказал: «Благодарю Бога, что привел меня видеться с вами после многих испытаний и особенно после того утешения, которое я имел в последние дни под Плевной и у моих детей. Много сделано нами, но нам еще предстоит многое впереди. Да поможет нам Бог привести к концу это святое дело». Я нашел, что государь очень похудел и имеет болезненный вид, страдает удушьем и, будучи взволнован, говорит задыхаясь. Говорят, что освобожденные из-под Плевны войска пойдут далее, несмотря на зимнее время, через Балканы. Несчастный 1877-й год кончается под хорошим знаменованием. Что-то Бог даст в будущем...